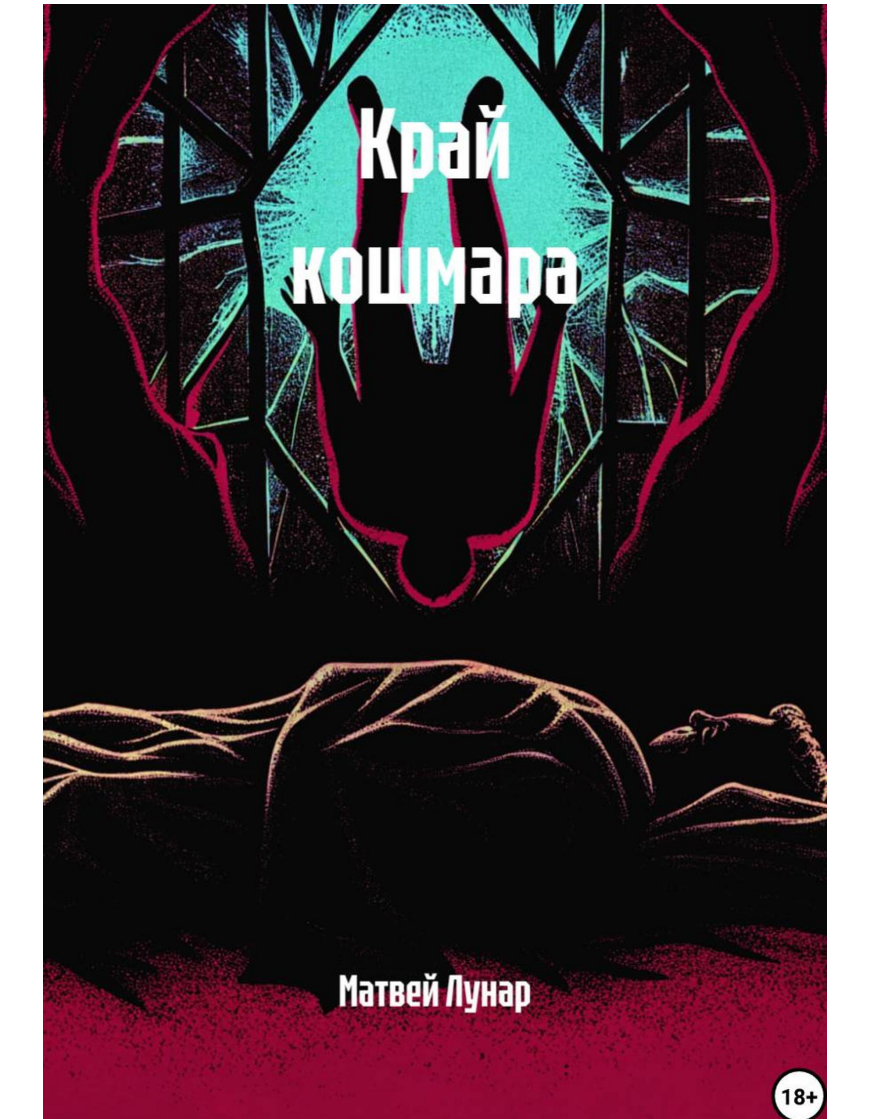

A person is lying in bed, covered by a dark blanket, looking towards a window. The window has a distorted, wavy reflection of the person's face and upper body, appearing as if looking into a liquid or warped mirror. The scene is dimly lit, with light coming from the window.

Край кошмара

Матвей Лунар

18+

Матвей Лунар

Край кошмара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73041823

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждую ночь он умирает. Падает, горит, задыхается, теряет руки и видит то, чего никто другой не должен был видеть.

Это не просто сон. Это чужая, грязная реальность, которая прорывается сквозь плоть.

Он не знает, почему его травма стала идеальной приманкой. Он не знает, кто или что использует его тело как полигон для своих ужасов. Он больше не верит ни своему разуму, ни телу.

Где проходит граница между сном и жизнью?

Содержание

Глава 1. Мой первый сон.	5
Глава 2. Почему я?	19
Глава 3. Выстрел.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Матвей Лунар

Край кошмара

Глава 1. Мой первый сон.

Я стою на краю. Под ногами – шершавая гравийная крошка кровли многоэтажки. На высоте примерно 60 метров я вижу не город, а бездонную чашу, наполненную жидким мраком и булавочными уколами далеких огней. Ветер здесь, наверху, не свистит. Он воет и скребется, под стать моему нутру, как дикий зверь, что загнан в угол. Тихими, ледяными пальцами обшаривает карманы, залезает под одежду, выискивая щель, чтобы добраться до кожи. Мне не холодно, я чувствую только страх, боюсь шагнуть вперед, но другого выбора нет. Я потерял всё: близких, работу, дом и прочее имущество, остался настолько голым, что даже самый беспринципный вор не нашёл бы, что украсть. Я этого не заслужил, всё это случилось не по моей вине. Это вы – люди, которые сейчас наблюдают за тем, как сломленный человек расшибется об землю, снимая всё на свои камеры. В глубине своей жалкой души вы радуетесь этому событию. Это не слабость, а выбор. Мой. Личный.

И он делает шаг. Не сам. Плоть его послушна мускулу, которого у него нет. Нога отрывается от прочной поверхности с противным, липким звуком отлипающей кожи. И здесь мир переворачивается.

Небо, усыпанное холодными, безразличными бриллиан-

тами звезд, уходит из-под ног. А в лицо, в глаза, в раскрытый, беззвучно кричащий рот неумолимо начинает наползать черная пасть улицы.

Первая секунда – не страх. Это ошеломляющая вселенская тишина. Звук обрывается. Нет воя ветра. Нет гула города. Есть только звон в ушах и бешено колотящееся сердце, которое вот-вот выпрыгнет из груди и упадет раньше него.

Теперь приходит скорость.

Воздух перестает быть невидимкой. Он становится плотным, как вода, и затем твердым, как бетон. Он бьет по лицу сплошной, тягучей ледяной стеной. Нельзя дышать. Легкие – два сплюснутых, пустых мешка. Кожа на лице начинает дрожать, искажаться, как на строительной пленке. Слезы вырываются из глаз и не летят вниз, а уносятся куда-то вверх, к тому месту, откуда он начал падать, будто они и есть его душа, которая пытается сбежать.

Он видит пролетающие мимо него этажи. Они не плывут мимо, они проносятся со свистом торпед. В освещенных комнатах мелькали кадры чужой, нормальной жизни: кто-то моет посуду, кто-то смеется у телевизора, ребенок катает машинку по полу. Они близки, на расстоянии вытянутой руки, но они в другом измерении. В измерении, где есть опора, где есть завтра. Взгляд фокусируется, и он видит свое отражение – бледное, искаженное ужасом лицо, мелькающее на темной поверхности.

Его тело начинает чувствовать каждую косточку, каждый

сустав. Он чувствует, как его внутренности, обманутые невестомостью, тяготеют вверх, к горлу, пытаясь вырваться наружу. Челюсть отказывается смыкаться, и этот беззвучный крик застывает в глотке ледяным комом.

А внизу – тень. Она не просто темнее. Она живая. Густая, маслянистая, расплзается по площади, на которую он падает. Она не ждет. Она открывается. Как пасть. В ее глубине угадываются очертания – не то трещин на асфальте, не то зубов. Оттуда тянет запахом влажной земли, ржавого железа и чего-то древнего, гнилого.

Он знает. Знает каждой клеткой, каждым нервом, что это конец. Не сон. Слишком реально. Слишком детально. Это память тела о том, чего еще не случилось. Предвкушение того, как хрупкие кости встретят немилосердную твердь. Как его тело превратится не во что-то героическое, а в бесформенный, теплый мешок с разбитым содержимым. Самое ужасное – это последний метр. Падение замедляется, даруя мучительную милость осознания. Он видит каждую трещинку на асфальте, каждый брошенный клочок бумаги. Он уже чувствует на спине холодную твердь.

– Мог ли я сделать что-то иначе? Могло ли всё произойти так, чтобы я не дошел до такого? К сожалению, я этого больше не узнаю.

ЩЕЛЧОК.

Тишина. Мягкость кровати. Топот сердца в грудной клетке. Липкий холодный пот стекает со лба, ощущение, что всё это было реально.

Он не упал. Он проснулся.

Но несколько секунд он всё ещё летит. И чувствует всеми своими инстинктами, будто он должен был умереть, должен был оставить свой след в кроваво-красном оттенке на тёмном асфальте. Несколько мгновений он лежал неподвижно, не в силах поверить, что снова оказался в своей комнате. Простыни липли к телу, словно холодная кожа мертвеца. Комната казалась знакомой, но в то же время чужой: слишком резкие углы, слишком глубокие тени, слишком громкое тиканье часов.

Он коснулся груди – сердце все еще билось с той же бешеной силой, как будто падение не закончилось. Он почти ожидал, что под его рукой окажется дыра, оставшаяся после удара о землю.

– Это был сон, всего лишь дурацкий сон, – прошептал сам себе.

Время на часах телефона показывало 6:30, у него был еще час, чтобы поспать, но после такого сон как рукой сняло. Решив не тратить время и отвлечься от всего этого кошмара, Марк поспешно встал с кровати, нелепо шагая, будто не мог поверить, что все еще может ходить, и направился к раковине.

не. Резко включил холодную воду, умылся, освежился и начал понемногу приходить в себя. Смотря в зеркало, он заметил, что на коже пропал утренний блеск, она стала чуть более матовой и немного сероватой, как пыльная бумага. Но главное – это тени. Они не густые, а лишь легкие, сиреневатые полукруги, лежащие под нижними веками. Они похожи на легкие синяки от прикосновения усталости. Если присмотреться, можно заметить, что мелкие морщинки у внешних уголков глаз и на лбу стали чуть глубже, чуть четче, будто невидимый гравер начал свою работу.

В голове была легкая туманность, будто кто-то провел ластиком по контурам мыслей. Умывшись еще пару раз и придя в норму, завершив остальные дела в этой укромной комнате, Марк пошел устраивать на кухне свой собственный ежедневный ритуал. Готовка была его отдушиной, процесс, где он мог полностью отвлечься от всех насущных проблем и завораживающих разум потрясений. Настолько сильно он любил готовить, что даже, возможно, перепробовал все блюда мира. Сегодня его выбор пал на обычную яичницу.

Яичница «Разбитая на асфальте», новое название в его списке блюд, которое он придумал в попытке облегчить и отречься от всего этого кошмара.

Два яйца, вылитые на холодную, не смазанную сковороду. Белки растекаются неровным, рваным овалом, похожим на силуэт тела, которое обводят белым мелом, точь-в-точь как в детективных сериалах или фильмах. Желтки – неестествен-

но оранжевые и цельные, как шокированные глаза, смотрящие в потолок. Вокруг, имитируя трещины, извиваются полосы пережаренного, почти что черного бекона. И всё это посыпано сыром, но не привычным нам, а таким, что он кажется мелкой крошкой гравия и песка.

Нужно ведь и что-то выпить? Естественно, какое утро без чашки кофе «Городская тень»? Не кофе, а мутная, черная как смоль жидкость в огромной чашке без ручки. Она не пахнет кофе, а отдает запахом влажного асфальта и гари. На ее холодной, неподвижной поверхности не плавают пленка, а отражаются ускоряющиеся огни окон, которые он видел при падении. Если поднести чашку к губам, можно почувствовать легкую вибрацию – отзвук того удара, который должен произойти.

Но, конечно, это всё вымысел, яичница была обычной, не подгоревшей, а кофе горячим и ароматным.

Из-за раннего подъема наш сновидец вышел из дома чуть раньше положенного ему самим. Он мог неспешно дойти до работы через парк, чтобы вкушать эссенцию раннего утра. Свежий, влажный воздух, расцветающие растения, деревья, шорох листвы, приглушенный гомон птиц. Расцветающая жизнь возвращалась в этот мир. Весна всегда была для него большой сценой умиротворения, каждая прогулка в такие моменты рождала в нем счастье, надежду на лучшее будущее и душевное спокойствие. От сна не осталось ни намека, Марк просто выкинул этот поначалу назойливый сон в му-

сорное ведро своего мозга. Отмахнулся от него, как от надоедливой комара, что вечно пищит под ухом.

На работе все шло своим чередом: бесконечные звонки, написание отчетов, короткие разговоры с коллегами во время перекура. Марк смотрел на мигающий курсор в отчете, не вчитываясь в цифры. Раньше, в той жизни, он бы заметил ошибку в этой таблице за три секунды. Он вел проекты, его ценили, к его мнению прислушивались. Он помнил это ощущение – ясный, острый ум, решающий сложную задачу. Теперь его мозг был будто набит мокрой ватой.

Мозг. Когда-то это был его главный инструмент, его гордость. Он помнил, как два года назад, на совещании с инвесторами, в зале была гробовая тишина. Генеральный директор спросил о внезапном падении доходов в отчете за третий квартал. Секунды тикали, напряжение было почти физическим. И Марк, ни секунды не колеблясь, ткнул пальцем в нужную строку на огромном экране, объяснив, что это не падение, а ошибка в пересчете валютной разницы, которую они допустили в спешке. Он решил кризис за десять секунд. Помнил, как директор, высокий, суровый мужчина, впервые ему улыбнулся. «Гений, Марк», – сказал он тогда.

Теперь? Теперь Марк мог часами тупо смотреть на чек из супермаркета, пытаясь понять, правильно ли ему посчитали сдачу. Он перестал решать проблемы. Он сам стал проблемой. Его жизнь, как таблица без формул, состояла из бессвязных чисел, которые не имели смысла.

Эта новая работа, которую он нашел с таким трудом, была просто шумом. Способом оплатить счета за квартиру, которая уже не казалась домом. Будничный ритм все больше отводил его подсознание от сна, утра и беспокойных мыслей. И вот, во время обеда, он, как обычно, листал ленту телефона. Типичные городские новости, забавные видео, фото, под какими-то постами жаркие и во всем своем бесполезном великолепии бессмысленные споры. Он листал, прячась за экраном от гула опен-спейса. Прячась от самого себя, от человека, который раньше вел проекты, а теперь не мог заставить себя вчитаться в цифры.

Лента была минным полем для его состояния. Реклама банка: «Свой дом – это просто!» Он скривился. У него больше не было дома. Мотивирующий ролик от бизнес-коуча: «Найди себя и начни зарабатывать!» Он злобно мотнул пальцем. Он себя потерял.

Местами сводки боевых действий или же повсеместная реклама.

Палец замер. Автоматически запустилось видео без звука. Плохое качество, снято на телефон, дергающаяся камера. Грязь. Развороченная земля. Люди в камуфляже несли кого-то на носилках. Камера скакнула в сторону.

На секунду в кадре появилось лицо. Крупным планом. Молодой парень, весь в копоты и засохшей крови. Он не кричал. Он не плакал. Он смотрел сквозь камеру, сквозь экран телефона Марка, сквозь тысячи километров. И в его взгляде

не было ничего. Ни страха, ни боли, ни жизни. Только пустота. Абсолютная, выжженная, мертвая пустота.

Марку стало физически дурно. Этот взгляд был знакомым. В нем было что-то от той черной, маслянистой тени, что он видел внизу, падая с крыши.

Он поспешно, с отвращением, пролистал ленту дальше. У него свои проблемы. Ему не нужно было это. Он отмахнулся от этого образа, как отмахнулся от своего кошмара утром.

И палец наткнулся на следующий пост. Однако. Его сердце сжалось.

ЗАГОЛОВОК

“Мужчина сорвался с крыши многоэтажного дома”

Под ним изображение размытого тела, будто сама реальность стыдливо отводит взгляд.

Желтая лента, как последний барьер между болью и шоу,

Тонкой нитью отделяет трагедию от любопытства.

А вокруг – толпа. Не люди, нет.

Скорее, тени с экранами в руках, глаза их пусты, но на груди мерцают огоньки

Не от сострадания, не от боли, а от вспышек мобильных камер.

Каждый снимок – как гвоздь в крышку чужого гроба,

Забиваемый без звука, без мысли, без следа на совести.

Таков мир.

Не злой – просто уставший.

Не жестокий – лишь равнодушный.

И остаётся лишь два пути: либо привыкнуть к этому холоду, либо научиться не замечать его. Просто чтобы сердце не остановилось от ужаса раньше времени.

Марк задержал дыхание, за одно мгновение он сразу воспроизвел события своего сна, который мрачной тенью наложился на фотографии с места событий. Но через секунду он заставил себя усмехнуться:

– Это просто совпадение. Случайность, – сказал он вполголоса, пряча телефон в карман.

И вернулся к своей повседневной жизни и работе. Остаток дня прошёл в суете. Коллеги обсуждали планы на выходные, кто-то принес торт в честь дня рождения, начальник привычно ворчал на опоздавших с отчётами. Марк сидел за компьютером, старательно сосредотачиваясь на циф-

рах и таблицах, но всякий раз взгляд непроизвольно цеплялся за экран телефона. Новость с заголовком о падении всё ещё висела в памяти, как не до конца закрытая вкладка.

– Нужно время. Со временем это обязательно забудется, главное – не напоминать себе, – отчетливо и с хладнокровием успокаивал он себя.

На удивление, от этой мысли он избавился быстро, прошло два дня, и уже изумлялся самому себе: зачем вообще зацепился за эту новость?

Мир вокруг жил своей жизнью. На работе – те же задачи, дома – те же привычные вечера с ужином и редкими звонками друзьям. Он снова начал шутить, планировать покупки, даже поймал себя на том, что стал легче засыпать. Неделя пролетела, как однообразная череда повторяющихся кадров. Всё выглядело стабильно, а кошмар растворился в повседневности.

Бывали дни, когда всё шло не по плану. Выходные для Марка обычно звучали тихой, безмятежной мелодией, исцеляющей душу после рабочей недели, ворчания начальника и прочих «радостей» жизни. В его семье суббота считалась священной. Мать всегда говорила: «Отдых – это тоже работа, Марк. Самая важная работа – для своего блага».

Но в это утро его усердный «сонный труд» прервал резкий, ненавистный звук. Громогласное сфорцандо молотка по стене отозвалось в голове гулким эхом, заставив распах-

нуть глаза. Внутри вспыхнуло глухое, животное раздражение. Через секунду шум стих. Марк выдохнул, пытаясь вернуть ускользающий сон и мысленно прощая соседям эту оплошность. Зря. На смену одиночному удару за стеной грянул полноценный концерт. Инструменты ремонта вступили в режиме ринфорцандо, испытывая на прочность его и без того хрупкие нервы. В этом не было ни ритма, ни мелодии – только намеренная, злорадная фальшь, издевающаяся над его желанием покоя.

Осознав, что в ближайшие часы домом будет править перфоратор, Марк сдался. Придется искать спасение в кофейне неподалеку.

День прошел в попытках сбежать от шума. Кафе с запахом пережженных зерен, бесцельная прогулка по парку, где ветер трепал еще голые ветки, магазин с яркими этикетками, от которых рябило в глазах. Марк вернулся домой только тогда, когда окна соседних домов уже погасли, а злосчастный перфоратор за стеной наконец захлебнулся собственной яростью и умолк.

Квартира встретила его долгожданной, почти звенящей тишиной.

Марк бросил ключи на тумбочку и почувствовал, как усталость наваливается на плечи тяжелым, пыльным пальто. Ему хотелось не просто лечь спать. Ему хотелось смыть с себя этот день, этот шум, эту липкую городскую суету.

Взгляд упал на дверь ванной. Давно он этого не делал.

В последние месяцы он ограничивался быстрым, функциональным душем – пять минут под струями воды, чтобы просто стать чистым. Ванна казалась непозволительной роскошью, ритуалом из той, прошлой жизни, где было время для наслаждения моментом.

– Почему бы и нет? – прошептал он в пустоту.

Шум набирающейся воды действовал гипнотически. Пар поднимался к зеркалу, затуманивая отражение, стирая черты лица, делая мир мягким и нечетким. Марк добавил немного пены – остатки флакона, который стоял на полке еще с тех времен, когда он жил не один. Запах лаванды и морской соли наполнил маленькое помещение. Он перекрыл кран, и наступила абсолютная, блаженная тишина. Погружение было похоже на возвращение домой. Горячая вода обняла тело, расслабляя каждый зажатый мускул, растворяя напряжение в суставах. Марк откинул голову на холодный бортик, закрыл глаза и глубоко выдохнул.

Тепло. Тихо. Спокойно.

Вода мягко покачивала его, создавая иллюзию невесомости. Мысли, которые весь день роились в голове назойливыми мухами, начали замедляться, таять в этом влажном тепле. Это была идеальная колыбель. Забытый большинством способ остановить время.

«Только на пару минут...» – подумал он лениво.

Реальность начала истончаться. Шум собственного дыхания стал тише, ровнее. Ощущение твердого дна ванны под

спиной постепенно исчезало, уступая место чувству бесконечного парения. Ему снилось, что он плывет в теплом, безопасном океане, где нет ни боли, ни шума, ни прошлого.

В какой-то момент тепло начало меняться. Оно не уходило, нет. Оно просто стало... другим. Более плотным. Более тяжелым. Марк попытался сделать вдох во сне, ожидая почувствовать влажный пар ванной комнаты. Но легкие не нашли воздуха. И в этот момент уютная тьма за закрытыми веками взорвалась.

Глава 2. Почему я?

Он снова не в своей постели, не в своей комнате и даже не в своем сознании.

Вокруг – чернота, разрезаемая мутным зеленоватым светом. Вода. Она везде: давит со всех сторон, сжимает его грудь, скользит сквозь всё тело своей массой. Он чувствует, как ноги бьются об пустоту, а руками не может за что-либо зацепиться, они тянутся кверху, туда, где должен быть воздух, но поверхность ускользает, будто насмешливо уходя всё дальше.

Первый вдох – ошибка. В горло ворвалась соленая горечь, жгучая и вязкая, которая обожгла трахею, распухла в груди. Он захрипел, пытаясь выплюнуть воду, но рот лишь раскрывался шире, пропуская новые порции ледяной жидкости. Легкие отчаянно сопротивлялись, вырывали остатки воздуха, превращая его в мутные, серебристые пузыри, что уходили вверх – туда, где еще миг назад светился лунный круг на небе.

От холодной воды его моментально, как током, поразил шок, сердце стало стучать в ритм его паники, так часто, что казалось, оно вот-вот выпрыгнет прямо через горло наружу. В какой-то момент получилось закрыть рот и начать бороться с позывами вдохнуть воздух, на короткое время вода пе-

рестала попадать в легкие, но дилемма: дышать он больше не может. Будто тяжелыми руками нехватка воздуха сжимает всё тело, чувство удушья постепенно усиливается, грудь горит, а мышцы судорожно начинают напрягаться.

Уровень углекислого газа в организме становится слишком высоким, его тело как комната, в которую постепенно вводят яд. Инстинкт дыхания взял вверх, и он вдохнул. В этот момент в него мощным потоком хлынула вода, словно прорвало дамбу. Из-за столь быстрых перемен легкие перестают нормально выполнять свою функцию, кашель, еще больший спазм, нарушается газообмен, кашель, кислород больше не поступает в кровь.

Вот он, уготованный судьбой мертвец, еще живой на одну-две минуты. Однако для него и для Марка эти минуты кажутся вечностью, секунды сменялись минутами. Мучительная, к сожалению для него, не скоропостижная и безуспешная борьба его тела лишь усугубляла страдания. Через дезориентацию, слабость и спутанное сознание в голове утопленника все-таки вырываются последние фрагменты жизни. В них он видит молодую девушку, свою ровесницу, она улыбается ему и смотрит на него искренним, полным любви взглядом. Несмотря на холодную воду снаружи и внутри тела, он в последний раз почувствовал тепло этой улыбки, слезы заполнили глаза, а яркая боль от утраты человека стала сильнее всего, как будто в довесок ко всему прочему его плоть проткнули несколько острых ножей.

– Надеюсь, мы с тобой еще встретимся. – Прозвучали последние мысли.

Наступила потеря сознания. Всё остальное будет являться только естественным процессом. Сердце рефлекторно стучит барабаном еще несколько минут, постепенно снижая скорость, понимая, что никаких шансов оживить это тело больше нет.

Клиническая смерть.

Мучительная борьба его тела во сне достигла пика. Легкие горели огнем.

Резкий рывок.

Марк не просто открыл глаза – он вдохнул. Но вместо воздуха в горло хлынула вода.

Реальность ударила его не мягкостью матраса, а скользкой твердостью эмали. Он дернулся, инстинктивно пытаясь всплыть, руки заскребли по гладким бортам, расплескивая воду на кафельный пол. Вынырнул, судорожно кашляя и хватая ртом воздух. Вокруг была не мутная зелень водохранилища, а ванная комната. Свет мигал – видимо, лампочка перегорала.

Вода, которая час назад была приятной и теплой, теперь стала ледяной, мертвенно-холодной, как в том проклятом месте. Тело била крупная дрожь. Кожа на пальцах сморщи-

лась и побелела, став похожей на кожу утопленника, которого продержали в воде слишком долго.

Марк сидел в остывшей воде, обхватив себя руками, и не мог понять: он спасся или всё ещё тонет?

В ушах всё ещё звенело – океан не отпускал, оставив внутри солёное эхо. Он прижал ладонь к горлу – ему чудилось, что там всё ещё что-то булькает, будто внутри осталась влага. Пошатнулся, пытаясь выбраться из ванны. Ноги скользили. С огромным трудом перевалившись через бортик, он рухнул на коврик, мокрый, жалкий, дрожащий.

Зеркало в ванной запотело, но сквозь конденсат на него смотрело бледное пятно собственного лица.

– Просто уснул... Я просто уснул и сполз вниз, – прошептал он, выплевывая остатки воды, которая на вкус казалась не водопроводной, а тинистой и затхлой.

Перебравшись, он сидел уже в комнате, тяжело дыша, ощущая, как каждая клетка тела пульсирует болью. Марк долго не мог поверить, что снова дышит воздухом, не водой.

Он пошатнулся, встал, включил свет. Комната будто немного изменилась – свет стал холоднее, стены казались ближе, воздух плотнее. Вернулся в ванную. К зеркалу. Очистил его от капель пара. Провел рукой по лицу – кожа липла от пота, дыхание оставалось сбивчивым. С каждым вдохом возвращалась ясность, но вместе с ней приходило и опустошение. Всё тело было словно выжато изнутри.

Марк включил воду, умылся и долго стоял, опершись ла-

доньями о холодный край раковины. Сон уходил, как прилив, оставляя после себя только слабость и неприятный осадок в груди.

Он не пытался вспомнить детали – их и не нужно было вспоминать, они всё ещё жили в нём.

Только теперь он заметил, как тишина квартиры стала невыносимо громкой. Каждая мелочь – капля из крана, тиканье часов, даже собственное дыхание – раздражала, как будто всё вокруг отказывалось быть спокойным.

Лечь в кровать не представлялось возможным. Это казалось бессмысленным, тело было слишком напряжено, а голова, наоборот, пуста. Мысль о сне не отпускала, как ноющая боль от занозы в пальце под ногтем. Ощущение реальности происходящего, что это не сон, а воспоминание, которое произошло с ним, а шок помог это забыть.

К утру он уже знал, что нужно сделать. В телефон можно было и не заглядывать, новостей так рано там точно не будет. Это, в принципе, и не требовалось. Достаточно просто увидеть то место, где всё произошло.

Серый рассвет стоял на улице, влажный воздух с горьким запахом сырой земли. Нависший туман тонкой пеленой укрывал малозаметные детали окружающей архитектуры. Город только просыпался, редкие машины выглядели уставшими, как будто разделяли с Марком недосып. Быстрый шаг, но не без цели, ноги сами знали, куда нужно идти. Водохранилище находилось на окраине города, за промыш-

ленной зоной. Там редко кто-то бывал, кроме разве что рыбаков и самоубийц, для которых это место было самым лучшим для скоротечной смерти без лишнего шума. Он помнил это место хорошо, хотя не понимал, откуда. Узкая дорога, заросшая камышом, ржавая табличка, предупреждающая, что купание здесь запрещено, покосившийся настил у берега. Всё это до боли казалось знакомым – в точности как во сне, только без мутного света и без холода, впивающегося под кожу.

На краю воды, полужасыпанный в песке и иле, лежало тело. Сначала Марк увидел только силуэт, бледную массу, не двигающуюся, с разбросанными вокруг вещами. Потом детали будто наложились одна за другой: куртка, мокрый воротник, темная шапка, зубчатая линия ремня. Руки, висящие безжизненно вдоль тела, казались слишком тонкими, как у куклы, потерявшейся в ветре. Лицо было обращено к небу; губы бледны, глаза закрыты. Из носа и рта – следы воды, высохшие, как ниточки соленой скатерти. Марк ощутил, как мир вокруг сузился до звука собственного дыхания. Ноги подкашивались. Холод прошел по коже не от ветра, а изнутри, от одного только понимания: здесь лежит человек. Живой оттенок мира – разговоры птиц, шум машин вдалеке – вдруг стали беззвучным фоном, который не имел никакого отношения к тому, что сейчас происходило. Он подошёл ближе, но хватало и одного взгляда, чтобы понять: это не просто обессиленный или уснувший у воды. Тело ле-

жало слишком спокойно, слишком окончательно. Марк почувствовал рвотный позыв и отшатнулся. Он отвернулся от тела, и его взгляд упал на собственные дрожащие руки. Он вспомнил, как точно так же держал руку матери в больнице. Такая же бледная, холодная, почти восковая, с синеватыми прожилками. Только ее рука тогда еще слабо сжимала его пальцы. А этот... У этого не было никого, кто бы держал его. Пустота, что накрыла его после ее ухода, показалась ему сейчас почти физической – такой же холодной и вязкой, как эта утренняя вода. Руки тряслись, телефон почти выскользнул. Неряшливым движением запихнул обратно в карман. Он не мог вспомнить, как дошёл сюда, только помнил, что шел. Всё остальное растворилось в одном, громадном ощущении пустоты и вины. Почему ему казалось, что это знакомо? Почему внутри застряла картинка, точь-в-точь совпадающая с тем, что он видел во сне? Он опустил взгляд на кошмарную, мокрую землю. Чьи-то шаги – удалённые, призрачные, заставили его содрогнуться. Сердце навязчиво колотило. Он вслепую нашёл в кармане телефон, пальцы дрожали, но номер набрался автоматически: голос на другом конце линии отвечал механически, как вдалеке.

«На берегу... тело...» — проговорил едва слышно, и слова его звучали чужими. Словно не сообщал о событии, а исповедовался: подтвердил, что то, что было в его голове, случилось наяву. Он стоял, не двигаясь, пока диспетчер просил уточнить адрес. Губы едва шевелились, язык будто онемел.

Марк посмотрел на табличку со ржавыми буквами – часть цифр съел временем налет. Он продиктовал, потом долго слушал, как в ответе что-то трещит, гудит, и повесил трубку, не дожидаясь конца.

Всё, что оставалось, – стоять и ждать. Он машинально отступил подальше от воды. Берег под ногами хлюпал, ботинки тонули в грязи. Ветер шевелил камыши, и в каждом движении этих тонких стеблей ему чудился шёпот. Он пытался не смотреть на тело, но взгляд сам возвращался – будто магнитом тянуло к нему. Теперь было заметно и другое: лицо не просто бледное, а до неузнаваемости искаженное от страха, глаза полураскрыты, а в них застыло что-то – ни боль, ни ужас, а осознание. Как будто этот человек **знал**, что умрёт. Смирился.

«Это была не просто улыбка». Марк вспомнил еще одну деталь из сна. Он чувствовал, как ее рука, маленькая и прохладная, лежит в его ладони. И, как вспышка, в сознание Марка ворвалась ее фраза, произнесенная так легко, в какой-то дурацкий момент: *«Мы же всегда будем вместе, да?»*. От этой одной фразы, от этого последнего невыполненного обещания. От осознания того, что он оставил ее там, обострилась боль. Эта боль была настолько острой, что сидящий Марк ощутил настоящий физический спазм в груди, словно сердце утопленника, в его собственном теле, попыталось сделать последний, отчаянный удар. С каждой секундой ожидания Марк чувствовал, как что-то внутри надрывается.

Голова гудела, виски стучали. Хотелось закричать, но он не мог – будто все звуки сжались в горле. Когда вдали показались проблесковые огни, он выдохнул – впервые за долгое время. Сухо, коротко, как будто этим выдохом возвращал себе право на реальность.

Полицейские вышли из машины не спеша. Молодой парень в форме первым подошёл, осмотрелся, махнул напарнику. Второй достал блокнот. Они оба переглянулись с усталостью тех, кто уже видел это десятки раз.

– Вы звонили? – спросил один.

Марк кивнул.

– Нашли тело?

– Да. – Голос дрогнул, но он заставил себя говорить. – Просто шёл... Увидел.

– Не трогали?

– Нет.

Полицейский кивнул и направился к воде. Второй остался рядом. Несколько секунд они молчали, потом тот, что постарше, спросил:

– Вы раньше бывали здесь?

Марк отрицательно качнул головой.

– Нет. Просто показалось знакомым место.

Слова сорвались сами, и он сразу пожалел. Полицейский бросил короткий взгляд, будто что-то отметил, но ничего не сказал.

Пока снимали показания, подъехала машина скорой по-

мощи. Люди в белых халатах привычно, даже как-то безжизненно, достали носилки, накрыли тело серым мешком. Марк всё это время стоял в стороне, глядя, как под тяжестью мертвого прогибается поднос, а вода у кромки берега вспыхивает серебром.

Когда всё закончилось, ему сказали, что можно идти. Он кивнул, поблагодарил и пошёл прочь, не чувствуя ног.

Он шёл долго, пока не понял, что снова оказался в центре, среди живых, торопящихся людей, гудящих машин, витрин и запаха кофе. Мир был нормальным. Слишком нормальным. Он остановился у перехода, глядя, как загорается зелёный свет.

В груди было чувство, которое невозможно описать. Ни ужас, ни облегчение, ни шок. Что-то другое – тихое, ровное понимание.

Он вернулся домой уже после полудня. Куртка была пропитана запахом сырости и земли, в ботинках хлюпала вода, но он не замечал ничего. Просто сел на стул, будто тело само нашло место, где можно развалиться. На столе стоял вчерашний недопитый кофе. Холодный, горький, с мутной пленкой на поверхности. Сделал глоток – из привычки, не из желания. Горечь только усилила тошноту. Пальцы дрожали. Марк уронил кружку, она упала на пол и разбилась, расплескав темные пятна. Не сразу наклонился, чтобы убрать. Просто смотрел, как жидкость медленно растекается, как отражает потолок и свет лампы. И вдруг – как будто на миг – ему по-

казалось, что видит **лицо**. Ни воображение, ни галлюцинация, а просто совпадение бликов и форм. Но всё равно резко отпрянул.

– Нет, – сказал он громко. – Нет, это бред.

Он машинально пошел на кухню, открыл холодильник. Надо было что-то съесть. Приготовить. Готовка всегда помогала. Он достал яйца, поставил сковороду и просто замер. Запахи, текстуры, знакомые движения – всё, что раньше его успокаивало и возвращало в реальность, сейчас казалось фальшивым и отвратительным. Он смотрел на сырые яйца в руке и чувствовал лишь тошноту. Однако Марк не убрал их, напротив, начал готовить. Он взял два яйца, сковородку, поставил ее на плиту. Он ощущал, как его руки, помнившие этот ритуал из прошлой жизни, двигаются по инерции. Это должно было успокоить. Звук разбивающейся скорлупы, шипение масла, мягкий пар над плитой – вот это была реальность.

Он разбил первое яйцо. Скорлупа треснула, и жидкость вылилась в сковородку. В этот момент его мозг сделал то, что делал всегда: он начал сопоставлять.

Он смотрел на яркий, оранжево-желтый гладкий желток.
Желтый.

И в тот же миг этот желток, залитый бликами света, превратился в его воспаленном воображении в **глаз**. Тот самый, из кошмара. Жирный, неподвижный, **абсолютно равнодушный** глаз, наблюдавший за ним с потолка.

От Марка волной отхлынула кровь. Он резко, судорожно вдохнул, словно получил удар под дых. Его желудок свело, и он начало неконтролируемо рвать. Он схватился за край плиты, поперхнулся и, шатаясь, бросился к раковине. Он не смог закончить. Он просто стоял, сгорбившись над раковиной, дрожа и давясь сухими спазмами, пока масло на сковородке не начало дымиться, наполняя кухню едким запахом.

Реальность стала заражена сном. Его последнее прибежище, его ритуал был осквернен. Он выключил плиту и, не глядя на шипящий, мерзкий глаз на сковородке, убрал оставшиеся яйца обратно в лоток.

Нужно было что-то делать.

Он заставил себя сесть за компьютер. Начал искать новости. Пальцы быстро били по клавишам: *утопленник, водохранилище, смерть, мужчина найден утром*. Через несколько минут он увидел короткую заметку – две строчки и фотография: *«На окраине города найдено тело женщины. Личность устанавливается»*.

Снимок был сделан издалека, но лицо... Он узнал.

То самое, что было в его сне.

Тот самый **взгляд**, перед тем как вода сомкнулась.

Марк медленно откинулся в кресле. В груди гул, как будто сердце отбивает метроном.

– Совпадение, – выдохнул он. – Всего лишь совпадение. Он повторял это снова и снова, как заклинание, пока слова не потеряли смысл.

Но в глубине сознания что-то шептало: «Нет, ты видел его раньше». Он открыл папку с фотографиями, пролистал старые снимки. Ничего. Ни одного знакомого лица. Ни одной зацепки. И всё же чувство не уходило. Как будто он стоял на границе чужой жизни, в которую заглянул ненароком, но теперь не может закрыть дверь. Марк прошёл в ванную, умылся, посмотрел на себя. Глаза – усталые, покрасневшие, с темными кругами под ними. Пробитая жизнью щетина. Обычный человек, просто переутомился. Он долго смотрел на отражение, потом тихо сказал: «Всё нормально. Просто стресс. Нужно поспать».

Выключил свет, лег на кровать, но сна не было.

Лишь глухое ожидание.

Как будто кто-то где-то уже готовился умереть.

Прошло два дня. Марк не мог спать. Он заставил себя ходить на работу, но механическое выполнение задач было пыткой. Мозг Марка был набит мокрой ватой, но внутри зрел план. Ему нужно было доказательство.

Ему нужно было исключить последнюю, самую безумную версию: что все это – *правда*.

Вечером, вместо того чтобы идти домой, Марк поехал туда. К дому, с крыши которого «упал» в первом сне.

Он не стал стоять у остановки. Это было бы бессмысленно. Герой перешел дорогу и зашел во двор, прижимаясь к тени кустов и припаркованных машин. Марк должен был подойти достаточно близко, чтобы видеть. Чувствуя себя гнус-

ным вуайеристом и мелким преступником, он встал прямо напротив фасада, подняв голову.

С этого расстояния детали должны были сливаться в размытые пятна, но мозг Марка работал как сверхточный объектив, запечатлевший каждую миллисекунду падения. Он видел не просто этаж; Марк видел кадр, который промелькнул перед глазами за доли секунды до смерти.

Он смотрел на окна, ища знакомые вспышки. Этаж десятый, девятый, вот оно. Окно кухни. На седьмом этаже. Оно горело ярким светом. Там была женщина. Она мыла посуду. Марк прищурился. Он *видел* этот темный пучок. Желтую кухонную кофту. Не глазами, а памятью. Это было точное воспроизведение того, что он успел увидеть в ту ночь. Это не могло быть совпадением. Это было *доказательство* того, что Марк был частью чужой записи.

Он перевел взгляд. Двумя этажами выше. Голубое мерцание телевизора. **Мужчина и женщина** сидели на диване. И вдруг – **Марк услышал** или ему показалось? – они рассмеялись. Громко, синхронно. Те самые, счастливые, далекие звуки из его кошмара. Его начало трести. Марк стоял, вцепившись в холодный металл чужой скамейки, и мир поплыл.

«Молодой человек, вам плохо?» Марк вздрогнул. Рядом стояла пожилая женщина, кутаясь в платок. Смотрела с опаской.

«Нет... всё, всё в порядке», – прохрипел он.

«Чего ж вы на дом-то так уставились? Ждете кого?» – в голосе не было сочувствия, только подозрительность. – «У нас тут... несчастье на днях. Парень разбился».

«Я знаю», – вырвалось у Марка.

Женщина отшатнулась. «Знаете? Ну знаете... Ходят тут всякие»

Она поспешила прочь, и ее слова ударили Марка, как пощечина. Ходят тут всякие. Он не был свидетелем. Он был посторонним. Хуже – подозреваемым.

Марк собирался уйти, как его взгляд снова притянуло к окну на девятом этаже. Туда, где смеялась пара. Смех прекратился. Мужчина, которого он видел как силуэт, теперь стоял у самого стекла. Он не двигался. Он просто смотрел. Вниз. Прямо на Марка.

Не было ни злости, ни любопытства. Только *взгляд*. Долгий, неподвижный, как у манекена. У Марка похолодела спина. Это было нереально. Человек не мог заметить его с девятого этажа, в темноте, через двор. Но тот смотрел. Марк не выдержал и рванул прочь, почти побежал к метро, не оглядываясь.

Он вернулся домой. Его трясло уже не от холода. Его расследование провалилось по-другому. Оно *удалось*. Оно доказало, что Марк не сумасшедший. И это было в тысячу раз страшнее. Это означало, что Сущность, что бы это ни было, использовала его. Она заставила Марка *подглядывать*. Она

сделала его соучастником.

В голове стояла одна мысль: *так больше нельзя*.

Он взял телефон, открыл поисковик. Вбил: «психолог, консультация, тревожные сны». Сотни объявлений, десятки имен, выбор на чистой интуиции, и взгляд зацепился за одно: **Ария Бранс, клинический психолог**.

Фотография – женщина примерно его возраста, короткие светлые волосы, спокойный взгляд. Никакой вычурности, никаких лозунгов – просто номер телефона и время приёма.

Марк не раздумывал. Набрал номер, хотя руки дрожали. На третьем гудке ответил мягкий женский голос:

– Здравствуйте.

Он хотел представиться, но слова застряли. Несколько секунд он молчал, слыша только своё дыхание.

– Я – наконец выдавил он. – Мне нужна помощь.

– С чем именно? – голос оставался спокойным, уверенным, будто отрезал лишний шум.

– Сны... они слишком настоящие. Я не могу, – он замолчал. – Не могу больше.

Она не перебивала. Только после паузы мягко сказала:

– Приходите завтра. В двенадцать. Я вас запишу.

Он согласился, записал адрес, положил трубку и долго смотрел на экран телефона, как будто не верил, что это сделал.

На следующий день он вышел раньше. Шёл по улице с

ощущением, что вокруг всё нереально: люди, дома, машины – всё как на фотографиях. Адрес привёл его в небольшой офис на втором этаже старого здания. Табличка на двери: «Психолог. Приём по записи».

Он постучал.

– Войдите, – послышался знакомый голос.

Внутри была светлая комната с низким диваном, столиком, двумя креслами. Обычная, почти домашняя обстановка. Женщина поднялась ему навстречу, улыбнулась – без лишней мягкости, спокойно.

– Вы Марк? – уточнила она.

Он кивнул.

– Присаживайтесь.

Он сел, не зная, с чего начать. Она терпеливо смотрела на него, не перебивая его молчание.

– Я... – Марк провёл рукой по лицу. – Мне снятся сны. Сначала падение. Потом утопление. Я вижу людей, которых потом нахожу в новостях. Я не знаю, что со мной.

Голос его дрогнул, но Ария всё так же спокойно кивала.

– Это звучит тяжело. Но вы сделали правильный шаг. Вы здесь, и мы можем попробовать разобраться.

Он впервые почувствовал небольшое облегчение. Его слушают, не осуждают, возможно, всё-таки ему смогут всё объяснить и помочь.

– Скажите, – тихо спросил он, – это может быть просто совпадением?

Она посмотрела на него серьёзно:

– Начнём с того, что вы расскажете всё по порядку.

Глава 3. Выстрел.

Комната была теплой, с легким ветерком от кондиционера. В воздухе проявлялся нежный аромат жасмина и бумаги, той, что только недавно прошла через принтер. На стенах – не картины, а фотографии: море, алый закат, рассвет, старый мост в тумане, мириады звезд. Всё казалось подобранным специально, чтобы ничего не давило.

Ария, сидевшая напротив, чуть наклонившись вперед, сложив руки на коленях.

– Расскажите, Марк, с чего всё началось, – сказала она спокойно. – Не торопитесь.

Какое-то время стояла гробовая тишина. Марк смотрел в пол, сделал глубокий вдох, поднял глаза.

– Это началось примерно неделю, полторы назад. Я видел сон. Очень реалистичный. Я стоял на крыше многоэтажного дома. У меня было чуткое чувство того, что я и правда стоял на краю. Чувствовал ветер, холод, шершавую поверхность под ногами. И я упал.

Он замолчал.

– Не просто упал, – добавил почти шепотом, – я пережил все эмоции во время падения.

Ария кивнула.

– Что значит пережили все?

– Нууу, – Марк провел медленно рукой по волосам. – Падение, страх, тревогу, воспоминания, я видел людей в окнах дома. Даже удар. Хотя его вроде бы и не было – я проснулся. Всё было слишком телесно. Не как сон.

– И это повторилось?

– Да. В следующий раз я тонул. Все то же. Реально. До каждой детали.

– Вы узнали эти места? – уточнила она.

– Нет. Вернее, место падения потом узнал. На следующий день прочитал в новостях – мужчина сорвался с крыши. А после второго сна... – Он замолчал, взгляд потускнел, могло даже показаться, что глаза стали отдавать серой пеленой. – Я нашел тело. Случайно. У водохранилища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.